

Он почувствовал, как она прижалась к нему, ее тихие рыдания достигли его ушей. Ее руки сжались в кулаки на его спине, сминая тонкую одежду и натягивая ее. Он почувствовал, как плохо сидящая, потрепанная одежда натянулась на его конечности. "Идиот!" - облегченно воскликнула она сквозь приглушенные рыдания, прижавшись лицом к его худой груди. "Почему это заняло у тебя так много времени?"

Его сердце билось так громко, что он был уверен, что она слышит, как оно бьется о его грудную клетку. Она понятия не имела... сколько времени ему понадобилось.

Почему это заняло у меня так много времени?

Положив руки ей на плечи, он, наконец, ответил на ее объятия, крепко обнимая ее.

Ты не представляешь... как долго.

Он притянул ее к себе, прижался щекой к ее макушке, чувствуя, как мягкие локоны ее прекрасных рыжих волос щекочут ему горло. Она пахла сладкой сиренью и чем-то напоминала ему дождь, знакомый запах навевал воспоминания и болезненно сжимал сердце.

Он не смог остановить всхлип, который вырвался из его груди. "Мне жаль". пробормотал он, его голос был неустойчивым. Слезы полились из его глаз, капая на шелковистые локоны Лили. "Мне так жаль".

Он почувствовал, как она расслабилась в его объятиях, ее кулаки разжались на его мантии. "Я прощаю тебя". пробормотала она, все еще приглушенно прижимаясь к его груди.

На этот раз она не отвергла его извинения. На этот раз она не отвернулась.

И на этот раз он понял, почему.

Когда Лили вернулась в коридор Толстой Дамы, наступила темнота, а вместе с ней и комендантский час. Плащ-невидимка Джеймса действительно оправдал свою рекламу, когда укрыл ее от внимания Филча, который шаркал по лестнице третьего этажа, держа фонарь наготове. Она часто удивлялась, когда смотритель спал. Весь день он поддерживал замок в разрушительном состоянии, противостоя нескольким сотням неуправляемых магических детей, а всю ночь охранял коридоры от бродящих по ним вышеупомянутых.

Она надеялась, что Северус нашел дорогу назад, не привлекая внимания полуночных патрулей. Она предложила проводить его до общей комнаты под мантией, но он вежливо отказался.

"Что страшного в потере нескольких баллов, честно говоря?" пробормотал он, горестно поджав губы, когда они расстались в вестибюле.

Она смотрела, как он уходит, поглощенный мраком коридора подземелья. Ее сердце трепетало легко, почти невесомо. Страх, который она всегда испытывала перед ним, вина, которую она чувствовала за то, что отрезала его, за необходимость защитить себя от его фанатизма, - все это развеялось в течение одного дня.

А ему понадобилось шесть проклятых месяцев, чтобы прийти в себя. Она стряхнула внезапно нахлынувшее раздражение. Важно было то, что он сошел с этого пути. Что он изменился и

вернулся к ней. Она могла снова стать частью его жизни, не боясь того, куда он может ее привести. Или что он может с ней сделать.

Теперь все это было в прошлом.

Она подавила желание визжать и прыгать вверх-вниз, чтобы не привлечь внимание другого бродячего взрослого. Плащ только скрывал ее форму, но ничего не делал, чтобы заглушить звук.

Его перемена сердца - это все, на что она могла надеяться. Даже больше. Ведь никогда в своих самых смелых мечтах она не представляла, что он возглавит крестовый поход, чтобы реформировать свой собственный Дом. Чтобы изменить ценности изнутри и спасти других детей от падения в ту же тьму, в которую чуть было не попал он сам.

Легко ступая, Лили подошла к Портрету.

"Перивинкль". воскликнула она, выведя Толстую Леди из оцепенения.

"Что? Кто?" Портрет огляделся, все еще полусонный.

"Перивинкль". Лили позвала снова, все еще не желая раскрывать себя, чтобы о ее присутствии после комендантского часа не стало известно.

"О, хорошо. Поторопись". Толстая Дама ворчала, распахивая дверь с почти нелепой неохотой. Лили проскочила внутрь, прежде чем темпераментный портрет успел передумать.

Полотно с грохотом захлопнулось за ней. Только в безопасности и тепле уютной гриффиндорской общей комнаты Лили наконец сняла плащ. И, несмотря на наступивший час, в комнате не было ни одного свободного человека.

"Лили!" Джеймс вскочил со своего места у камина. "Я так волновался!" Он был единственным присутствующим в этой пустой комнате. Она посмотрела на часы и только сейчас поняла, как поздно уже было.

"Ничего себе." пробормотала она. "Извините. Я не следила за временем. Я в порядке, как ты видишь".

Джеймс подошел, оглядел ее, не веря ей на слово.

"У тебя красные глаза". Он заметил это с мрачным озабоченным видом.

"Ага. Хорошо поплакала". ответила Лили, вытирая уставшие, воспаленные глаза. Она ярко улыбнулась, пытаясь развеять серьезное выражение на лице высокого мальчика. Честно говоря, ему там было не место.

С теплой улыбкой и пружинистым шагом Лили протянула плащ и карту, возвращая их законному владельцу. "Спасибо, что одолжил мне их. Они спасли мою шкуру на пути наверх".

На его обеспокоенном лице появилось самодовольство. Он провел пальцами по беспорядочным волосам, пытаясь сдержать реактивную улыбку. "Ну что? Как все прошло?" спросил он холодным голосом. Его вынужденное спокойствие не обмануло Лили ни на минуту.

"Я ему верю". Пальцы Джеймса снова пробежались по его волосам, теперь уже рефлекторно, а не осознанно. По его лицу пробежала мелкая дрожь, глаза блестели от тусклого света камина

и досады.

Быстрым движением головы Лили указала на стулья. Она не хотела стоять у сквозняка в портретном проеме. После стольких часов, проведенных в холодном неотопливаемом классе, ей хотелось лишь уютно устроиться у жаркого огня.

Опустившись в мягкое кресло, она вдруг почувствовала беспокойство о том, что Северусу, должно быть, гораздо хуже от холода. Его мантия всегда была такой грубой и тонкой, как и он сам. Хотя на ощупь он был очень теплым, она не могла отделаться от мысли, что ей не стоило его укладывать. Но ей так не хотелось его отпускать.

Лили заставила его часами рассказывать о том, чем он занимался в последнее время. Что происходило в его жизни, ведь она так много пропустила. Он не был столь откровенен в своих ответах, отвечая коротко и расплывчато. Он всегда был застенчив, но никогда с ней. Было больно от того, что полгода отдалили их друг от друга, но сейчас было достаточно того, что он снова рядом с ней. Все остальное уладится со временем.

Когда наконец пришло время расставаться, она почувствовала внезапное возбуждение от иррационального страха, что сегодняшний день был всего лишь сном. Пока они молча шли бок о бок по коридору к прихожей, она то и дело бросала на него взгляды, боясь, что этого благородного, спокойного Северуса не существует. Что, проснувшись, она обнаружит, что ее лучший друг действительно исчез из этого мира.

Возможно, именно поэтому она так крепко прижималась к нему, так хотела уткнуться лицом в его грудь и впитать его знакомый запах. Этот лимонно-горьковатый аромат щекотал ей нос, запах, пропитавший его мантию за то время, что он провел на складе зелий. Каждый год он всегда просил дополнительное время в лабораториях, дополнительные часы для работы над своими экспериментами с особыми ингредиентами, недоступными для обычных студентов. Слизнорт всегда соглашался, в обмен на помощь Северуса в сортировке и упаковке зелий, которые ему ежемесячно доставлял домовый эльф. Почему Северус не сделал того же в этом году, никто не мог предположить. Возможно, нагрузка наконец-то догнала и его, особенно если он теперь шел по пути алхимика.

Так много изменилось. Пугающие, захватывающие перемены.

Джеймс опустил на сиденье напротив и усталыми глазами наблюдал за ее отстраненной улыбкой. Свет камина плясал на линзах его очков, придавая его ореховым глазам мерцающий оранжевый оттенок. "Осторожно, Лили". пробормотал он. "Я знаю, что ты ему веришь... но он может просто лгать".

"Или он может говорить правду". Лили не хотела говорить это так резко.

"Я знаю". Джеймс отвел глаза, на его лице появились тени от света костра. "Просто будь осторожна, хорошо?"

Лили почувствовала, как ее сердце успокоилось, а мысли согрелись в ее оцепеневшей душе. "Джеймс, я знаю, что есть шанс, что все может быть ложью. Всегда было более вероятно, что он поддастся худшему в себе". Она улыбнулась небольшой нерешительной улыбкой, в которой сквозили тревожные мысли. "Но... Я впервые почувствовала настоящую надежду на то, что он не так уж далеко пал, что его можно спасти... Я хочу верить...".

Она подняла голову и встретила взглядом с огненно-ореховыми глазами Джеймса. "Ты можешь понять? Хочется верить, что мой друг не потерян для меня? Что он, каким-то образом,

исправился за пределами моих самых смелых мечтаний?"

Губы Джеймса сжались в тонкую белую линию, между бровями образовалась небольшая впадина. Он слегка кивнул. Предложение признания, если не согласия.

"Я не могу сказать, что я побежден", - пробормотал он. "Но я надеюсь, что вы правы. Ради твоего и нашего блага, что он действительно имел в виду то, что сказал". Он встал с дивана и поправил мантию. "Спокойной ночи, Лили. И удачи".

"Спокойной ночи, Джеймс". Она легкомысленно поклонилась его удаляющейся спине, чувствуя, как внутри нее завязывается узел вины. Последствия любых фантазий, которые она могла бы иметь с мальчиком, резко изменились перед лицом восстановленной связи с Северусом.

Потому что, как бы ни менялась ситуация, это не меняло прошлого. Джеймс и Северус по-прежнему были злейшими врагами, и сколько бы времени ни прошло, это не меняло того, что было. Ужасные инциденты, произошедшие за эти годы, оставили шрамы.

Впервые за сегодняшний вечер Лили почувствовала, что ее восторг улетучивается. Ее сердце сжималось от ужаса перед осложнениями, которые непременно возникнут. Поддерживать дружбу и с Северусом, и с Джеймсом... Сохранить одного - значит потерять другого...

Она закрыла глаза и отогнала свои мечущиеся мысли, она не хотела сталкиваться с ними сегодня. Медленно она искала ту маленькую счастливую точку, которую обрела с возвращением Северуса. Это было самое важное, о чем ей нужно было подумать. Сев вернулся к ней.

Все остальное придет в норму со временем.

<http://tl.rulate.ru/book/75461/2308191>